

Рязанов Э

1986/III

ИНТЕРВЬЮ

Эльдар Рязанов:

«ФИЛЬМ

ДОЛЖЕН БЕСПОКОИТЬ МЕНЯ»

ВСТРЕТИТЬСЯ с Эльдаром Рязановым оказалось труднейшим делом: мало было уговорить его дать интервью — надо было, чтобы у него нашлось на это хотя бы полчаса. Он был занят новой картиной по сценарию, написанному совместно с Брагинским, работой на Высших режиссерских курсах, «Кинопанорамой» и еще кучей всяких дел. Поэтому для меня не было неожиданностью, когда он сказал:

— Времени, извините, мало, и я предпочитаю тратить его на дело: снимать фильмы, писать пьесы, стихи. Говорильня — не дело, на это жалко времени. Так же, как на бесконечные заседания, где ничего не решается, совещания, на которых льется одна вода...

— Кажется, слухи о вашей нелюбви к интервью и вообще к журналистам подтверждаются.

— Я просто не люблю, когда задают вопросы, на которые уже отвечал раньше или писал об этом в своей книге «Неподведенные итоги».

— Эльдар Александрович! Сегодня, когда многое вокруг меняется, похоже, что активная перестройка придет и в кинематограф. Какие перемены вам хотелось бы в нем видеть как режиссеру и сценаристу (хотя как сценарист вы поставлены в особые условия)?

— Почему это в особые?

— Потому что драматург Рязанов имеет своего постоянного режиссера Рязанова, а не ждет, пока кто-то заинтересуется его сценарием.

— Значит, так, — и Рязанов псевдообнее устроился на диване. — Первое, чего я хочу, — это чтобы не делали вид, что в нашей жизни не существует неприятных явлений вроде круговой поруки, взяточничества и других проблем. Потому что лакировка давно уже наивна и смешна, и публика ее не хочет видеть. Но мало, чтобы сценарии и пьесы говорили правду, — правда не должна рассказываться скучно: с такой картины, спектакля зритель уходит. Фильм должен быть занимательным,

что я называю словом «беллетристика», употребляя его в высоком, а не в ругательном смысле. А ею мало кто владеет. И только при сочетании идейности с увлекательностью рассказа можно достичь цели. Если зритель уйдет из зала, не досмотрев, твоя гражданственность и идейность останутся при тебе — все равно что ничего не говорил.

Этого мне хотелось бы и как режиссеру, и как драматургу, и как зрителю — потому что у нас много фильмов лживых, нечестных, полуправдивых.

— Можете назвать хотя бы несколько?

— Их много, но они настолько безлики, что их и вспомнить-то невозможно. Я могу легко назвать те, что будоражат сознание, производят впечатление, говорят правду. Это — сильные фильмы, которые беспокоят совесть, вызывают ярость. Их не все «принимают», но это, кстати, и есть первый признак настоящего: когда произведение делит аудиторию на два лагеря. Значит, задело за живое! Это — «Допрос», «Чучело», «Остановился поезд», «Оглянись!».

Недаром в зрительском опросе «Советского экрана» первые места заняли фильмы «Чучело» и «Оглянись!». Это говорит о том, что зритель хочет видеть фильмы социальные, острые, отвечающие на жизненные вопросы. За много лет накопился НЕДОБОР ПРАВДЫ. Не только в кино — недобор правды ощущается и на телевидении, и в газетах, и в литературе — где угодно. Слишком долго нас приучали к мысли: раз человек критикует, он либо скрытый враг, либо пасквилянт.

Искусство должно нести правду эмоционально, не превращаясь в публицистическую проповедь. Чтобы человек принимал его душой и сердцем, а не только головой. Чтобы не оставался холодным.

— Вы сказали, что зритель хочет видеть фильмы острые, социальные, затрагивающие современные проблемы. Но почему же в таком случае

первое место в зрительском опросе занял «Жестокий романс» — разве его проблематика актуальна сегодня?

— По поводу «Жестокого романа» я получил много писем. Меня здорово удивило, что его приняла молодежь. Это ведь классика — ассортимент, преподносимый школой иногда так, что интерес отбивается на всю жизнь. Так вот, письма показали, насколько современна ситуация, в какой оказалась Лариса. «Это про меня, я тоже любила такого Паратова», — писали мои корреспондентки. И таких писем не одно, не два...

Вы, наверно, знаете, что у «Бесприданницы» была нелегкая сценическая жизнь. Пьеса не принималась критикой и в XIX веке не считалась одной из лучших вещей Островского. И это несмотря на то, что Ларису играли великие актрисы Федотова, Савина, Ермолова. Потом Ларису стала играть Комиссаржевская. Публика рыдала на спектаклях, но понадобилось много лет, чтобы переломить отношение к пьесе со стороны критиков.

Мне кажется, что у многих критиков фильм или спектакль — только повод для самовыражения. Они интересуются собой значительно больше, чем самим произведением. На это имеет право лишь такая личность, которая по своим творческим и человеческим запасам может встать над разбираемым произведением.

Часто критики, как говорил чеховский герой, «образованность свою показать хотят», и если в произведении есть идеи, не подходящие под концепцию критика, то в критической рецензии эти идеи отбрасываются, фильм выглядит обрубленным. Порой так поступают и режиссеры с литературной основой. Не все, конечно, а те, для кого фильм или пьеса являются только поводом для самодемонстрации. Но такие люди опасны для искусства, как опасен для окружающих эгоцентрист — человек, сосредоточенный на самом себе.

Беседу вела
С. НОВИКОВА.

23